

СЕКЦИЯ 7. ЛИТАРАТУРАЗНАЎСТВА. ПАДСЕКЦИЯ 3. ТЭОРЫЯ ЛИТАРАТУРЫ

ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РОМАН, ROMAN À THÈSE И ROMAN ENGAGÉ

В. И. Авраменко

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, avramenkowl@gmail.com*

Рассматривается проблема терминологической неопределённости в отношении жанровой модификации «философский роман». Предпринята попытка разграничения понятий «философский роман», «интеллектуальный роман», «roman à thèse» и «roman engagé».

Ключевые слова: философский роман; философия и литература; интеллектуализм в литературе; ангажированная литература.

При работе с источниками по проблеме философского романа и при сопоставлении зарубежных источников по этой проблеме с отечественными и российскими исследованиями возникает некоторая терминологическая неопределённость и путаница. Существует несколько схожих по значению терминов: «философский роман», «интеллектуальный роман», «roman à thèse» (роман тезы) и «roman engagé» (ангажированный роман). Иногда эти термины употребляют как синонимы, иногда противопоставляют друг другу, а иногда один из них отрицается и вместо него используется другой. Кроме того, в русскоязычной и зарубежной науках для одного и того же явления существуют разные терминологические обозначения.

Ситуация эта требует прояснения: без решения проблемы терминологической неопределённости исследование философского романа, на наш взгляд, невозможно.

В семидесятые годы в «Словаре литературоведческих терминов» появляется статья В. В. Кожина «Философский роман», выделяющая два различных значения термина: «Произведение собственно философского характера, принявшее форму образного повествования в целях большей эмоциональной убедительности, популярности, живости и т.п.» [1, с. 436] и «...наиболее глубокие и ёмкие по своему художественному смыслу романы, например, романы Сервантеса, Стендаля, Достоевского и др.» [1, с. 436]. Так впервые возникает более-менее чёткое определение философского романа. Однако в этом же словаре помещена статья Ю. Б. Борева

«Интеллектуализм в литературе», в которой, по сути, отождествляются категории *философского* и *интеллектуального* [2, с. 107].

Из этой статьи становится понятно, что интеллектуализм в литературе подразумевает философичность (и наоборот), и провести чёткую грань между философским и интеллектуальным искусством невозможно. Получается, нет и разницы между интеллектуальным и философским романами: в обеих статьях речь идёт, в сущности, об одном и том же типе произведения. Ситуация эта явно противоречива. Очевидно, что эти два понятия должны обозначать разные явления. Попробуем разрешить эту дилемму и проанализируем то, что говорят исследователи, фокусирующиеся на проблеме разграничения двух жанров.

Чёткую границу между философским и интеллектуальным не проводит и Витаутас Бикульчюс. Литовский исследователь признает сходство понятий «интеллектуальный роман» и «философский роман», однако, полагает, что первый является развитием формы второго: «Термин “философский роман” отражает классический этап развития этой жанровой модификации /XVIII–XIX вв./, а термин “интеллектуальный роман” воплощает то умственное созерцание, рассуждения, которыми заполнен философский роман XX века» [3, с. 7].

Такой подход к разграничению двух жанров разделяют и некоторые другие исследователи. Т. Л. Гурина объединяет оба типа произведений «...в пределах общей структуры» [4, с. 207], но понимает всё же интеллектуальный роман как современную и более развитую форму философского романа XVIII в.

В интеллектуальном романе усложняется проблематика: это не только философские, метафизические вопросы, но и вопросы политики, искусства, экономики и т.д. Меняется и сам способ изложения той или иной теории. Интеллектуальный роман, по мнению Т. Л. Гуриной, не монологичен, он не развивает какую-либо одну теорию, а представляет целый комплекс идей и взглядов. Роман перестаёт быть однолинейным и однозначным [4, с. 204]. Условность сюжета и героев не так ярко выражены в интеллектуальном романе, как в философском [4, с. 205]. Роман становится более реалистичным, а персонажи более натуральными.

Не совсем согласна с таким подходом украинская исследовательница Л. Ю. Зана. Она разграничивает интеллектуальный и философский романы исходя из их генетической связи с философской повестью XVIII в. [5, с. 35]. На её взгляд, общих черт с произведениями просветителей гораздо больше у философского романа, чем у интеллектуального. Ярко демонстрирует эту связь философский роман-притча, который отличается условностью своей формы, аллегоричностью и дидактичностью [5, с. 36].

Украинская исследовательница конкретизирует *содержательную специфику* философского романа. По её мнению, в философском романе развивается *авторская философия*, которая и сплавляет воедино все составляющие произведения. Действительно, Ж.-Ж. Руссо в «Эмиле» и «Новой Элоизе», маркиз де Сад в «Алине и Валькуре», А. Мальро в «Королевской дороге», Ж.-П. Сартр в «Тошное» и А. Камю в «Постороннем» развивают собственные идеи, свою философию. Именно эта черта является важным отличием философского романа от интеллектуального.

Интеллектуальный роман, возникая в XX веке, усложняет способы философствования, вбирает в себя *целый комплекс* проблем своего века, расширяет свою проблематику, но он не заменяет философский роман, а сосуществует вместе с ним. Такой подход нам представляется более оправданным.

Существуют, кроме того, и другие не хронологические критерии, которые позволяют отграничить интеллектуальный роман от философского.

Н. С. Павлова, отмечая в своей статье «Интеллектуальный роман» [6], что именно Томас Манн предложил впервые этот термин, перечисляет немецких авторов, австрийских, американских, одного русского и одного чешского, но не упоминает французских писателей.

Действительно, в литературоведении, как правило, немецкий роман философской направленности (романы Манна, Гессе, Дёблина) называют интеллектуальным, а французский – философским. Интеллектуальный роман представляется специфическим жанром, в первую очередь, немецкой литературы, а философский роман – французской (кроме того, сам термин «философский роман» возникает во Франции, а «интеллектуальный роман» – в Германии).

Концентрируясь на творчестве Г. Гессе и Т. Манна, Н. С. Павлова отмечает некоторые особенности интеллектуального романа и принципы его построения. «К ним относится, – пишет исследовательница, – прежде всего обязательное присутствие нескольких не сливающихся слоев действительности, и прежде всего сиюминутного существования человека и космоса» [6, с. 197]. Романы Г. Гессе и Т. Манна «...“философичны” по самому своему построению – по обязательному наличию в них разных “этажей” бытия, постоянно соотносимых друг с другом, друг другом оцениваемых и измеряемых» [6, с. 197]. Сложность структуры, многоуровневость, многомерность и неоднозначность сильно отличают интеллектуальный роман от философского, который, как правило, явно или не явно несёт в себе заряд дидактики и апологии какой-либо конкретной авторской идеи. «Романы Гессе, – пишет Павлова, – не дают ни уроков, ни окончательных ответов и

решения конфликтов» [6, с. 208]. Такое немислимо для философского романа.

Все упомянутые нами исследователи, сравнивая философский и интеллектуальный роман, говорят об особой усложнённой структуре и форме и усложнённом содержании последнего. Как показывают исследования Л. Ю. Заны и Н. С. Павловой, можно также говорить о различной истории происхождения и различном месте развития интеллектуального и философского романов. Таким образом, оба жанра отличаются по структурным, генетическим и содержательным признакам.

При работе с понятием «философский роман» возникает ещё одна трудность. Во французском литературоведении существует целых три примерно одинаковых по своему содержанию термина: «roman philosophique», «roman engagé» и «roman à thèse»¹.

Термин «философский роман» появляется во французской литературе в XVIII в., однако в дальнейшем он оказывается не очень популярным среди французских исследователей и писателей, вместо него по отношению к романам, воплощающим ту или иную философскую идею, чаще используется формулировка «роман тезы».

Выражение «роман тезы», говорится в словаре Ларусс [7], имеет несколько негативную коннотацию. Вспомним хотя бы о неприятии романа тезы Альбером Камю в «Мифе о Сизифе», где он противопоставляет творчеству «стыдливых философов» абсурдистский роман, истинно философский. Интересно, что в этой же словарной статье произведения А. Камю оказываются включенными в список романов тезы: «Dans le “roman à thèse” au sens étroit, la structure romanesque n’est pas commandée par la dynamique interne du roman, mais par une démarche intellectuelle qui lui est extérieure et dont le roman apparaît comme l’illustration ou la démonstration. L’objet peut en être philosophique (romans mystiques de Huysmans, roman existentialiste de Camus), idéologique (*le Disciple* de Bourget), ouvertement politique (*les Chiens de garde* de Nizan)» [7]. В этом определении есть важная деталь: структура романа тезы определяется его интеллектуальной стороной. Философский роман и роман тезы схожи, таким образом, структурно, но второй оказывается более широким содержательно.

Причины негативного отношения к жанру романа тезы хорошо иллюстрируют следующие слова А. Камю: «Не ошибемся в выборе эстетики. Разговор здесь вовсе не о терпеливой передаче сведений, не о нескончаемом и бесплодном иллюстрировании какого-нибудь тезиса. Нет, о прямо противоположном, если я объяснился внятно. Роман, доказывающий тезис,

¹ В дальнейшем мы будем использовать эти термины в переводе на русский язык: «философский роман», «ангажированный роман» и «роман тезы».

самое ненавистное из всех произведений, чаще всего имеет источником *самодовольную* мысль. Когда бывают уверены, что обладают истиной, ее просто-напросто демонстрируют» (курсив А. Камю) [8, с. 103].

В романах А. Камю действительно нет ни самодовольной мысли, ни бесконечного кружения над одной и той же идеей в попытке её доказать (что особенно ярко проявляется у маркиза де Сада), ни даже иллюстрации философии. То же самое мы могли бы сказать и о творчестве Ж.-П. Сартра, А. Мальро и С. де Бовуар. Таким образом, отнесение этой ветви романа к типу романа тезы является достаточно спорным.

Конкретизируют содержание и особенности романа тезы французская исследовательница Сильвия Сервуаз и литературовед из США Сюзанна Сулейман. С. Сервуаз называет два конститутивных аспекта жанра: его *риторическую* сторону (намерение романа убедить в чём-либо) и *нарративную* (рассказать при этом определённую историю) [9].

Такая структура романа тезы сближает его с *exemplum*, фигурой риторики и жанром средневековой литературы. *Exemplum* (или *пример*) – короткий дидактический рассказ, который поучает читателя или слушателя с помощью легенды, мифа, истории или просто иллюстрации какого-либо конкретного случая. *Exemplum*, как и роман тезы, характеризуется индуктивностью: через демонстрацию частного случая мы приходим к обобщению, обобщение в свою очередь открывает доступ к другому частному случаю, но уже с предписанием определённого поведения.

Сам пример должен обладать способностью оказывать влияние. Ему *должны* поверить. Цель романа тезы, – пишет Сильвия Сервуаз, – создать такую поучительную модель, которая будет пользоваться *авторитетом*. Особенность романа тезы в том, что это будет полностью зависеть от его нарративной части. Он не апеллирует к внешнему по отношению к тексту авторитету, как это происходит, например, в библейских притчах [9], всё обусловлено убедительностью самого текста. С. Сулейман такую авторитетность называет *l'autorité fictive* (фиктивная авторитетность).

Роман тезы по структуре своей напоминает *ангажированный роман*. Этот термин получил известность благодаря ряду критических статей Ж.-П. Сартра конца сороковых годов, которые были объединены затем под общим названием «Что такое литература?». Но Сартр не выяснял специфику поэтики и структуры ангажированной литературы. Вопрос этот остался открытым.

На примере романов «Троянский конь» Поля Низана и «Чума» Альбера Камю Сильвия Сервуаз показывает разницу между двумя схожими жанровыми модификациями. Ангажированный роман, как и роман тезы, использует нарративную модель *exemplum*. Вся существенная разница между

ними как раз и состоит в специфическом характере проявления в каждом из романов этой модели: «Le roman engagé s'écarte du roman à thèse par l'équivoque qu'il laisse planer sur la "morale" qu'il délivre, en raison notamment de l'absence d'une "autorité fictive" qui garantirait la validité du "supersystème idéologique" organisateur du récit. Il semblerait alors que l'exemplarité propre au roman engagé trouverait son origine moins dans l'histoire racontée que dans les modalités de son énonciation et dans le rapport que celles-ci induisent entre le narrateur et le lecteur» [9].

С. Сервуаз различает «...une exemplarité diégétique, *qui se déploie sur le plan de l'histoire racontée...*» и «...une exemplarité narrative, *qui se situe sur celui de l'énonciation* (курсив мой. – В. И.)» [9]. Оба типа exemplarité (досл. образцовость, примерность) обуславливают поляризованную или антагоническую (или диалогическую) структуру ангажированного романа и романа тезы. Оба типа романа посредством *exemplum* стремятся склонить читателя к той идеологической или мировоззренческой позиции, которая близка самому автору. Но ангажированный роман, для которого свойственна *une exemplarité narrative*, оказывается менее дидактичным, его выводы – менее очевидны, его структура – менее поляризованной и скорее полифоничной, чем монологичной. *Une exemplarité narrative* подразумевает такую организацию текста, *где теза не доказывается*, но где автор *приглашает читателя к соразмышлению над ней*.

L'autorité fictive нет в ангажированном романе. В «Чуме», которую французская исследовательница относит к этому жанру, читателю буквально не найти авторитета среди персонажей, который оказывал бы на него существенное влияние и побуждал бы принять сторону автора. В отличие от романа Поля Низана, где голоса персонажей сливаются в один, и где это единство мнений положительных героев образует l'autorité fictive, «Чума» предлагает разнообразие мировоззрений и жизненных позиций героев.

Итак, понятия «ангажированный роман», «роман тезы», «философский роман» и «интеллектуальный роман» являются родственными: все они указывают на интеллектуальную или философскую (в самом широком смысле) направленность романа.

Если возможно чётко отделить интеллектуальный роман от философского, то непреодолимой преграды между философским романом, ангажированным и романом тезы, на наш взгляд, не существует. Последние три похожи по своей структуре. Однако они могут различаться по содержанию: в романе тезы, как и в ангажированном романе, идея, которая скрепляет

воедино все составляющие произведения, не обязательно должна быть философской. В свою очередь, ангажированный роман и роман тезы различаются по характеру проявления в них философичности.

Библиографические ссылки

1. Кожин В. В. Философский роман // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М. : Просвещение, 1974. С. 436.
2. Боров Ю. Интеллектуализм в литературе // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М. : Просвещение, 1974. С. 105–107.
3. Бикульчюс В. В. Философский роман Анатоля Франса. Проблема жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1985.
4. Гурина Т. Л. Некоторые предпосылки изучения авторской позиции в интеллектуальном романе XX века // Проблема автора в художественной литературе, выпуск 1 / редкол. Б. О. Корман, Н. П. Кралина, Д. А. Яшин. Ижевск : труды Удмуртского государственного университета имени 50-летия СССР, 1974. С. 200–209.
5. Зана Л. Ю. Жанр інтелектуального і філософського романів: типологічне зіставлення [Електронний ресурс] // Вісник Маріупольського державного гуманітарного університету, 2014. Сер. Філологія. С. 32–38. URL: <https://vk.cc/bZVkmU> (дата обращения: 20.08.2020).
6. Павлова Н. С. Интеллектуальный роман // Зарубежная литература XX века : учеб. для вузов. 2-е изд. / под ред. Л. Г. Андреева. М. : Высш. шк., 2004. С. 194–215.
7. Roman à thèse // Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.cc/bZVgWD> (дата обращения: 20.08.2020)
8. Камю А. Творчество и свобода. Сборник. М. : Радуга, 1990.
9. Servoise Sylvie. Roman à thèse et roman engagé : exemplarité diégétique et exemplarité narrative [Электронный ресурс] // Presses universitaires de Rennes, 2007. URL: <https://books.openedition.org/pur/39476> (дата обращения: 20.08.2020).